

SANDRA
BROWN

#1

NEW YORK TIMES
BESTSELLING
AUTHOR

САНДРА
БРАУН

Уловка

МОСКВА
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

Sandra Brown
PRIME TIME

By arrangement with Maria Carvainis Agency, Inc.
and Prava i Prevodi. Translated from the English
Prime Time © 1983 by Sandra Brown.

First published in United States by dell Publishing, New York

Ранее роман выходил под названием «Прайм-тайм»

Перевод с английского *А. Черташ*
Художественное оформление *С. Власова*

Браун, Сандра.

Б87 Уловка / Сандра Браун ; [пер. с англ.
А. В. Черташ]. — Москва : Эксмо, 2015. —
256 с. — (Сандра Браун. Бестселлеры
Suspense & Romance).

ISBN 978-5-699-80843-4

Энди Мэлоун отправляется в маленький те-
хасский городок, чтобы взять интервью у знаме-
нитого генерала Рэтлифа, чья жизнь долгие годы
была скрыта от общественности. Враждебно на-
строенный сын генерала, Лайон, изрядно ослож-
няет ей работу. Энди уверена — Рэтлифы что-то
скрывают и Лайон боится, что она докопается до
истины. В погоне за сенсацией Энди сталкива-
ется то с любовью Лайона, то с его ненавистью,
влюбляется сама и с замиранием сердца ждет мо-
мента, когда ей придется сделать выбор между
долгом и любовью...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Черташ А., перевод на рус-
ский язык, 2015

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издатель-
ство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80843-4

Глава 1

ы уверены, что он появится сегодня? — с нетерпением спросила Энди Малоун и заерзала на барном стуле. Эта конструкция совершенно не заслуживала мажорского звания мягкого табурета: под красным дерматином скрывалось что-то твердое и шероховатое.

— Ясное дело, не уверен, — сказал Гейб Сандерс, владелец и шеф-повар «Закусочной чили Гейба», протирая грубым муслиновым полотенцем краешек чистой, но видавшей виды кофейной чашки. — Все, что я знаю, так это то, что он может прийти. Но это не значит, что это обязательно случится, понимаешь? Скорее всего он сделает то, что, черт побери, ему захочется сделать, — осклабился Гейб.

Адреналин разлился по венам, профессиональные инстинкты в предвкушении долгожданной добычи пришли в боевую готовность, в своем возбуждении Энди даже позабыла о жестком сиденье барного стула. Она понимала, что лучше не привлекать к себе внимания посетителей и не выказывать слишком много интереса к своему информатору: в любой момент Гейб Сандерс мог

6 САНДРА БРАУН

понять, что она за птица, и прекратить отвечать на вопросы.

— Вот как? — Она сделала маленький глоток холодного чая из красного пластикового стаканчика, в котором из-за обилия сахара и льда ложка стояла вертикально. — Мистер Рэтлиф кажется вам импульсивным? — В тот самый момент, когда вопрос вырвался у нее, она поняла, что Гейб насторожился. Он прекратил полировать безнадежно потемневшую эмаль кофейной чашки, нахмурил кустистые брови, а его пронизательный взгляд стал гораздо менее дружелюбным.

— С чего это ты задаешь столько вопросов о Лайоне Рэтлифе, а?

Объяснение пришлось придумывать на ходу. Энди наклонилась вперед, приняв, как она надеялась, доверительную позу, и заговорщицки зашептала:

— В университете у меня была подружка из этих мест, она рассказывала мне про мужчину, который живет на огромном ранчо и разъезжает на серебристом «Эльдорадо». Мне тогда казалось, что описывает настоящего киногероя.

Гейб испытующе смотрел на нее, и ее уверенность стала медленно таять. Его ироничный взгляд прямо говорил о том, что она не так молода, чтобы быть студенткой, и он раскусил ее уловку.

— Кто она?

Совершенно обескураженная сначала проницательностью Гейба, а теперь и его вопросом, Энди, запинаясь, переспросила:

— Она... Кто она?

— Как зовут твою подружку? Возможно, я ее знаю. Я готовлю здесь чили и бургеры с сорок седьмого, так что знаю почти все семьи в Кервилле.

— О, тогда вы вряд ли встречали... эээ... Карлу. Она вообще-то из Сан-Антонио, а сюда приезжала только летом повидать кузенов... ну, что-то вроде того. — Энди потянулась за стаканом и сделала большой глоток, как будто это был не чай, а успокоительное.

Она приехала в эти холмистые тexasские края пару дней назад и все это время чувствовала себя не в своей тарелке. Осторожные, вежливые расспросы, которые обычно открывали ей закрытые для других двери, здесь ничем не помогли. Казалось, жители Кервилла защищали Лайона Рэтлифа и его затворника-отца — главную цель Энди.

Генерал Майкл Рэтлиф был последним оставшимся в живых генералом — участником Второй мировой войны. Она поклялась взять у него интервью для своего телешоу. И если отрывочные сообщения о его ухудшающемся здоровье были правдой, Энди нужно было спешить. Между тем ее поездка пока что не дала и проблеска надежды на свершение задуманного.

Гейб Сандерс стал теперь так же сдержан и скуп на слова, как все, с кем она сталкивалась до него. Девушка решительно приподняла подбородок, при этом на ее приятном, сердцевидной формы лице появилась обворожительная улыбка. Глаза цвета виски игриво блестели.

8 САНДРА БРАУН

— Мистер Сандерс, не будете ли вы так добры добавить кусочек лайма в мой чай?

— Как насчет лимона? Подойдет? — заметно смутившись от произошедшей перемены, спросил Гейб.

— Отлично, спасибо. — Уверенность вернулась к ней, она изящным жестом откинула назад прядь золотисто-каштановых волос.

Энди использовала свою привлекательность, чтобы выудить информацию, только в самых крайних случаях. Такие приемы бесили ее. Она предпочла бы общаться с источниками с той прямоотой, которую позволяют себе мужчины-репортеры. Однако в случае необходимости она не чуралась пользоваться своим преимуществом: если кто-то находит ее необычную внешность интересной, почему бы не полюбезничать. Отец, обладавший некоторыми поэтическим задатками, однажды сравнил ее с десертом из ванильного мороженого с «Амаретто», политым карамельным соусом.

— Спасибо, — повторила она, когда Гейб вернулся с двумя дольками лимона на блюдечке.

Она выжала лимонный сок в стакан с чаем, чтобы хоть как-то разбавить переслащенный напиток, больше напоминавший сироп.

— Ты ведь не из здешних, да?

Она почувствовала искушение солгать, однако вдруг поняла, что с шутками пора кончать.

— Нет. Сейчас я живу в Нэшвиле, а выросла в Индиане.

— Нэшвил? Вы случаем не в «Гранд Оле Опри»¹ работаете?

Она засмеялась и покачала головой:

— Нет, я работаю на независимый кабельный телеканал.

— Кабельный? — Брови Гейба подскочили вверх, и Энди подумала, что это, пожалуй, самая выразительная часть его лица. — Вы что, телезвезда? Вас можно увидеть по телику?

— Иногда. У меня свое телешоу, которое транслируют во всех штатах. Я беру интервью у разных людей.

— Интервью? — он посмотрел ей за плечо, оглядывая зал с посетителями, как будто ища кого-то, у кого она могла бы взять интервью. Внезапно глаза его засветились догадкой, и он снова обратил к ней взгляд:

— Ты же не думаешь просить Лайона об интервью с его папочкой, а?

— Вообще-то думаю...

— Не было никакой подруги из университета, а? — спросил он, пристально поглядев на Энди с минуту.

— Нет, — сказала она, твердо и спокойно встретив его взгляд.

— Так я и думал.

В голосе Гейба не было осуждения.

— Вы считаете, что мистер Рэтлиф мне откажет?

---

¹ «Гранд Оле Опри» («Старинная Гранд-опера») — одна из старейших американских радиопередач с участием звезд кантри.

— Да это уж как пить дать, откажет. Но мы это сейчас выясним наверняка, он как раз в дверях.

Взгляд Энди остановился на влажном круге, оставшемся на барной стойке от бокала с чаем. Она боялась поднять глаза, живот свело от волнения. Колокольчик на двери кафе приветственно звякнул, впуская входящего.

— Эй, Лайон, — позвал кто-то из дальнего угла.

— Лайон, — окликнул его другой голос.

— Джим, Пит, — отозвался он.

Голос у него был хриплым и глубоким. Звук коснулся ее, прошел поясицу, будто игла, вызвав мягкую дрожь, разошедшуюся волнами вдоль всего позвоночника. Она надеялась, что он выберет стул сбоку от нее и втянуть его в разговор будет несложно, однако, судя по звуку шагов, к которым она напряженно прислушивалась, он намеревался занять место в дальней части бара, за располагавшейся перпендикулярно по отношению к ней частью стойки. Краем глаза она заметила голубую рубашку. Гейб двинулся в ту сторону:

— Эй, Лайон? Что будешь? Чили?

— Не сегодня. Слишком жарко. К тому же Грэйси недавно делала чили, и мне пришлось выпить две дозы этих мерзких розовых таблеток, чтобы мой желудок пришел в норму.

— А может, проблема в «Маргарите», которую ты хлестал вместе с чили, а?

Низкий смех вырвался из груди вошедшего мужчины:

— Может быть, может быть.

Этот голос. Что за мужчина может быть обладателем такого волнующего голоса? Энди больше не могла сдерживать свое любопытство. Капитулируя, она бросила на него взгляд как раз в тот момент, когда он делал заказ:

— Я буду чизбургер.

— Сейчас принесу, — отетил Гейб.

Но Энди уже не слышала бармена: она была поглощена созерцанием Лайона Рэтлифа. Он выглядел совсем не так, как она себе представляла. Ей представлялось, что он гораздо старше. Должно быть, она так думала потому, что его отцу уже больше восьмидесяти. Значит, сын родился после войны. На вид она бы дала Лайону Рэтлифу около тридцати пяти.

Густые темные волосы лежали аккуратными волнами, на висках пряди были тронуты серебром. Черные гладкие брови изгибались над глазами, цвет которых она не могла определить с этого расстояния. Ее взгляд скользнул по его прямому римскому носу, напомнившему ей об актерах из фильмов на библейские сюжеты, а затем опустился ниже, к чувственному рту, который напомнил ей актеров из совсем других фильмов.

— Мясо, которое ты жарить для меня, — это ведь говядина с нашего ранчо? — спросил он Гейба.

Его голос завораживал Энди. Он был звонким, но спокойным, почти тихим, так что казалось, если не будешь слушать внимательно, то пропустишь что-нибудь важное. Небольшая

хрипотца придавала всему сказанному им этакий сексуальный обертон. Да, скорее все же второй тип актеров, чем первый.

— Ты еще спрашиваешь! — ответил хозяин закуской. — Да ведь это лучшее мясо на всю округу.

Усмехнувшись, Лайон слегка откинулся назад. И в тот момент, когда он наклонился, чтобы взять бокал с водой, который перед ним поставил Гейб, его глаза случайно скользнули по лицу Энди. Еще долю секунды его взгляд следовал по заданной траектории, а затем резко вернулся к ней — уже целенаправленно. Энди почти физически ощутила, как эти серые глаза — а они оказались серыми — внимательно изучают ее. Сначала с удивлением они остановились на ее собственных глазах. Удивление было типичной реакцией для любого, кто впервые глядел в них — глаза были необычного желто-коричневого оттенка, окруженные темными густыми ресницами.

Серые глаза поднялись выше, к ее волосам. Может быть, из-за хвоста, прихваченного на затылке черепаховой заколкой, она выглядела слишком юно? Господи, неужели он подумал, будто она тридцатилетняя женщина, которая пытается молодиться? Она одернула себя: не надо сходить с ума — ее карамельные, с золотистым оттенком волосы всегда привлекают внимание. Но испарина на лбу? Мог ли он это заметить? Несмотря на Гейбову вывеску двадцатилетней давности «У нас работает кондиционер», Энди ощущала, что все ее тело покрыто

липким потом. Ей казалось, что каждая ее пора, каждый нерв находятся на виду, как будто она на вскрытии в анатомическом театре, а Лайон Рэтлиф — ученый, неторопливо исследующий новый образец.

Когда его глаза остановились на ее губах, она не выдержала и отвернулась. Бокал с чаем, который она схватила в панике, чуть не выпал из ее рук еще до того, как она поднесла его ко рту. Теперь, похоже, она привлекла к себе еще больше внимания, чем прежде. Да что с ней такое! У нее тут работа, которую она должна сделать. Три дня Энди выслеживала этого человека, задавала вопросы о нем и его отце, собирала информацию буквально по крупицам, стойко переносила неотесанность местных жителей. Битых три часа она провела в насквозь провинциальном салоне красоты в надежде услышать его имя в потоке городских сплетен, раз за разом вежливо, но твердо отказываясь от перманентной завивки, которая «придаст волосам объем». Ей удалось разузнать только, что Лайон пропустил последние танцы из-за болезни отца, для ранчо закупили новые саженцы, а местный мастер маникюра — достойная последовательница маркиза де Сада.

И вот — он здесь, сидит в паре метров от нее, а она ведет себя как немой паралитик. Такое с ней впервые. Где же ее хваленая самоуверенность и хладнокровие? Ее поразительная настойчивость, позволявшая ей вытягивать ответы на любые вопросы, покинула ее. Отличавшая журналистку Малоун объективность дала трещину

перед лицом этой прямой сексуальной диспозиции. Она встречалась с королями и премьер-министрами, с двумя президентами Соединенных Штатов, и ни один из них не смог ее смутить. А теперь этот... этот ковбой вваливается в затрапезную закусочную и заставляет ее трепетать от одного его взгляда.

Пытаясь снова взять ситуацию под контроль, она приподняла подбородок и открыто посмотрела на него. С тем же успехом можно было смотреть на асфальтоукладчик, чтобы его остановить. На его губах играла ухмылка, и весь его вид без всяких слов выражал примерно следующее: «Да, я слышал о равноправии полов и нахожу эту идею интересной, но сейчас я вижу в тебе только объект вожделения, и ты ничего не сможешь с этим сделать».

Что ж, вообще-то она могла кое-что сделать. Она могла повернуть ход его мыслей в иное русло. Она сообщит ему в спокойной профессиональной манере, кто она такая и что здесь делает. Она сделает это сразу после того, как он покончит со своим чизбургером, решила Энди, глядя, как Гейб ставит перед ним тарелку.

Убивая время в ожидании, она проглядела заляпанное жирными пятнами меню, в котором за прошедшие годы, судя по всему, изменились только цены, грубо нацарапанные поверх старых. Девушка через силу сделала еще один глоток переслащенного чая и стала наблюдать, как за соседним столом мама кормила маленького сына картошкой фри: она вытирала ему рот салфеткой, однако после следующего куса

над его верхней губой снова появилась красная полоска от кетчупа. Энди бездумно потрогала соусники, стоящие перед ней на железной подставке, затем вытянула из держателя четыре бумажных салфетки и протерла влажное пятно из-под своего стакана с чаем, который, казалось, не просто не кончался, но начал сам собой прибывать.

Когда наконец она решилась взглянуть на дальний конец стойки, Лайон почти закончил свой обед — он пил кофе, крепко обхватив чашку длинными тонкими пальцами, и казался совершенно поглощенным уличным движением за окном, однако, как только она соскользнула с барного стула, он резко повернулся в ее сторону. Энди улыбнулась, надеясь, что это не выглядит как дежурный девчачий флирт.

— Добрый день, — сказала она, подходя к нему и пытаясь скрыть дрожь в коленях.

Он оглядел ее с головы до ног, медленно и тщательно оценивая. В выражении его лица читалось легкое удивление вместе с нескрываемым намеком на секс. Неужели он настолько привычен к вниманию незнакомок?

— Привет.

Итак, он не намеревался облегчить ее задачу, дав какую-нибудь зацепку для разговора. Ну что ж, мистер Рэтлиф. Она сделала глубокий вдох и сказала:

— Меня зовут Андреа Малоун.

Энди не предполагала, что выражение лица может измениться настолько быстро и так значительно: его глаза под темными бровями мгно-